

Юлия ПОПОВА

г. Петрозаводск

ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК*рассказ*

Было это в ту пору, когда мне едва минуло восемнадцать лет. Успешно сдав вступительные экзамены в университет, я был одарен своими родителями билетом к морю. Впервые я поехал куда-то один, чему был безмерно рад. Как и все юноши, считал я себя взрослым и умным сверх всякой меры и потому самостоятельность свою не ставил тогда ни под какое сомнение.

Толком не осмотревшись и не приценившись, я с лёту, только успев сойти с поезда, снял комнату у одной по виду смирной, одинокой женщины. Те обстоятельства, что комната находилась в покосившемся деревянном домике с печным отоплением, без водопровода и с удобствами на улице, меня поначалу нисколько не смутили. Главное, что стоило пройти всего-то сотню шагов — вся краса и простор морской глади разворачивались передо мной, словно праздничная скатерть.

Еще на вокзале я купил у одного паренька потрепанную плетеную корзинку, которую вскоре заполнил причудливыми морскими раковинами. Их я был намерен бережно доставить домой для всеобщего восхищения.

Добротный, будто вырубленный из скалы бревенчатый дом того старика, о котором дальше пойдет речь, возвышался через дорогу, прямо напротив окон моей комнатухи. Впервые я встретился с ним лицом к лицу возле колонки, где я бывал каждодневно. Дело было так... Сразу по приезде, спеша по пыльной сухой грунтовке к морю, я встретил свою хозяйку, тётку Наталью. Охая и поутину переваливаясь с ноги на ногу, тянула она тяжелые ведра с водой. С кончика ее носа падали крупные капли пота. Наклоняя голову набок и подгибая руку в локте, тетка Наталья то и дело пыталась потереться носом о плечо, отчего еще больше становилась похожей на утку, чистящую свои перья. Я тут же подскочил к ней.

— Ну что вы делаете? Это же тяжело! — по-взросло-

му наставлял я ее. — Вы что, не могли меня попросить? Позвольте-ка!

Я деловито подхватил оба ведра и сначала шустро засеменял в горку, но изрядно устал и потом еле добрал до калитки. Тетка Наталья отстала от меня шагов на тридцать, и я торопливо пытался отдышаться, до того как она догонит меня. Когда моя хозяйка наконец поравнялась со мной, я с гордостью заявил:

— Теперь я буду ходить за водой!

— Ой, Боренька, что ты! Что ты! — закричала тетка Наталья. — Ты платишь и довольно с тебя!

Но я, не поддаваясь на ее уговоры, настоял на своем.

С тех самых пор я носил воду каждое утро, с тоской поглядывая на лениво прогуливающих к морю отпускников. Руки мои гудели, голова с непривычки и тяжести кружилась. Из последних сил, уже постукивая доньшками ведер о землю, я доносил воду до угла соседнего с хозяйкиным дома. Там отдыхал минут десять, прячась за кустами густого шиповника. То ли благодаря этой передышке, то ли от радости, что мученьям моим отмерено всего лишь каких-то десять метров, ведра казались мне легче. Каждый раз нарочито громко насвистывая, чтобы тетка Наталья вышла встретить меня, почти бегом залетал я в калитку, расплескав больше половины воды.

— Во какой ты, Боренька! Прыткий! Да сильный! — хвалила меня хозяйка, будто не замечая полупустых ведер. Щеки мои пылали, и, опустив глаза, я млел от удовольствия.

Так, однажды, резво подскочив к колонке, ве- село позвякивая металлическим ведром, я первым делом с наслаждением подставил голову под кран. Фыркая и отплеиваясь, долго плескался я под тугой прохладной струей, пока не услышал за спиной своей нетерпеливый кашель. Я отпустил рычаг и обернулся. Лысый старик с двумя пластиковыми ведрами, попы- хивая папироской, колюче смотрел на меня из- под лохматых седых бровей. Лет шестидесяти на вид, был он худошав, но жилист и крепок. Я спешно набрал воды и потащился к дому. Через несколько минут, оторвав взгляд от земли, уви- дел перед собой согнутую спину старика. Я при- бавил шаг, но, как ни старался, как ни струил- ся пот с моего лба, расстояние между нами неумо- лимо увеличивалось. А старик, будто вовсе не

торопясь, спокойно вошел в свою калитку. И я... возненавидел его. Ненависть же, как это часто бывает в молодости, родила во мне непре- одолимый интерес к сильному старику.

Море быстро наскучило, и вскоре добрую часть дня я проводил у окна своей комнаты. Все дома в округе были огорожены низеньки- ми полупрозрачными заборчиками не более полуметра в высоту, и потому ничто не мешало моему любопытному взору.

На подоконнике моем всегда лежала раскрытая книга, и, как только тетка Наталья, имевшая скверную привычку входить без сту- ка, распахивала дверь моей комнаты, я тут же переводил взгляд на страницы.

Старик и жена его, полная, похожая на нева- ляшку женщина, тоже сдавали жилье отдыхаю- щим. Но не одну комнату, а сразу несколько, а точнее — все. Сами супруги ютились в бане. Три семьи, должно быть, откуда-то с севера, с тихими, бледными ребятишками заняли в то лето их дом.

На участке старика был разбит роскошный сад с пышными персиковыми деревьями. Их ветви под тяжестью перезревших плодов све- шивались почти до земли. С таким огромным садом супруги не справлялись, и персики всё падали и падали вниз, и гнили, образуя кашепо- добный ковер. Однажды один из приезжих мальчишек зачерпнул эту кашицу ладошкой и, шурясь от удовольствия, принялся жевать. Вдруг невесть откуда появившийся старик на- летел на него, что-то крича и размахивая рука- ми. Получив увесистый подзатыльник, пацане- нок нехотя выплюнул коричневую жижу. Ста- рик указал ему на крыльцо, где на ступеньках высилась кипа газет. Мальчишка понуро кив- нул, вздрогнув плечами. Он безропотно взял од- ну из газет и, хлюпая носом, принялся вытирать ею свои перемазанные персиками ступни.

Позабыв от негодования о секретности моего «хобби», я спросил вошедшую хозяйку:

— Он что же, не разрешает им есть персики?.. Даже с земли?

Тетка Наталья, ничуть не прячась, выглянула в окно.

— Ну, — подтвердила она, как будто удивля- ясь моему вопросу.

— Но они же все равно сгниют! — возмутился я.

— Ну, — даже не изменив интонации, вновь кивнула тетка Наталья.

Я махнул на нее рукой, и тётка Наталья прикрыла за собой дверь. У моей хозяйки в саду была только пара яблонь с кислыми зелеными плодами. Приторный богатый аромат соседских персиков давно манил меня. Я был почти уверен в том, что жена старика непременно со дня на день угостит меня. Уж откуда во мне взялось такое убеждение — не знаю. Только когда я понял, что надеждам моим не суждено было сбыться, я еле сдерживал слезы, наблюдая, как чумазые глупые дети трут обрывками газет свои ступни.

Со временем я заметил, что злой старик и жену свою не особо баловал. Держали они с десятков гусей, столько же уток, множество кур, двух свиней и корову. Всем хозяйством заправляла жена. Часто видел я из окна, как, покачиваясь в гамаке между стволами благоухающих деревьев, старик размеренно попыхивал папироской. А пожилая женщина бегала мимо него взад-вперед: то в хлев, то на выпас, то за водой. Оказалось, что тот случай, когда я столкнулся с ним у колонки, был крайне редким в его режиме дня.

С завистью смотрел я на длинные костлявые пальцы стариковских ног, торчащих из гамака в солнечных листовых прорехах, когда рано утром, стараясь быть незамеченным им, я направлялся к колонке. Да, да, я проклинал тот день, когда предложил тетке Наталье свою помощь. Но отказаться уже не мог. По крайней мере, без веской на то причины. И случай-искуситель не заставил себя долго ждать.

Тетка Наталья то и дело давала мне всяческие поручения. С каждым днем она расходилась все больше. И вскоре мне стало казаться, что хозяйка моя только и делает, что тягает самовар со двора на кухню и обратно: чаевничает то на улице, то в доме. А у меня и минутки свободной нет! Только и слышно:

— Боренька, наколи дровишек, милый! Баньку растопим — попаримся! А? Боренька, может, кусты обрубишь перед окошком-то? Не видно, поди, тебе ничего! Боренька-а! Мила-а-ай!

Голос ее начал внушать мне отвращение, и порой я затыкал уши, чтобы хоть как-то приглушить этот деревенский говорок. Но тётка Наталья всегда говорила довольно громко. Мне казалось, что она даже не знает о том, что такое шёпот и уж тем более — молчание, словно она никогда ничего ни от кого не скрывала.

— Боренька, стул починил бы, касатик!.. Смотри, ножка-то одна на ладан уж дышит!.. — в очередной раз горланила хозяйка.

— Потом... — промямлил я и, прикрыв уши ладонями, вновь уткнулся в книгу.

— Боренька-а, в комнате-то твоей лампочка перегорела... Вкрути, милай! А то здрение испортишь, читаючи в потемках! — Тётка Наталья протянула мне новую лампочку.

Я фыркнул и со злостью рванул гофрированную картонную коробочку. Встав на стул, я потянулся к плафону. И... в следующую секунду уже лежал на полу, взыв от боли. А мимо меня прямо к ногам тётки Натальи катилась, подпрыгивая на стыках половых досок, сломанная ножка от стула.

Я вывихнул плечо.

Наутро тетка Наталья сама пошла за водой.

— Сиди, Боренька, дома. Отдыхай, — ласково сказала она. — Плечу-то твоему покой надо. Поправляйся, милоч!

Первые дни своей неожиданно радостной травмы я намеренно вставал пораньше, чтобы не пропустить шествие своей хозяйки с полными ведрами. С удовольствием наблюдал я, как краснеет от натуги ее лицо, как шаркает она тяжелыми кирзовыми сапожищами, поднимая вокруг себя облако пыли, как она откашливается и мучается одышкой.

Через неделю плечо мое стало прежним. Но я, не желая расставаться со вновь обретенной беззаботной жизнью, настолько артистично имитировал боль, что тетка Наталья охала, и глаза ее наполнялись слезами. Так жалела меня!

Вставал я теперь поздно и старался не попадаться хозяйке на глаза, да и сам не желал видеть ее. Стоило ей показаться с ведрами или охапкой дров у моего окна, как я тут же задерживал шторку и, привалившись на кровать, притворялся спящим.

То ли от того, что все дни напролет я проводил в полудреме, то ли от надоедливой воя соседской собаки ночами я почти не спал. До рассвета лежал я с открытыми, словно полными сухого песка, глазами и, скрежеща зубами, старался отвлечься от тоскливого пронзительного собачьего стога. Я наглухо закрывал окно, обливаясь потом от адской духоты, прижимал к ушам подушки с такой силой, что мне казалось, голова моя вот-вот лопнет. Но ничего не помогало. Вой

соседского пса будто становился все громче. И я готов был взвыть вместе с ним!

После одной из таких ночей я решил раз и навсегда наказать дрянную собаку. Я сбегал в нужник и вытряхнул из корзинки все до единой ракушки. Вдоль берега моря высились шелушащиеся от ветров скалы. У их подножия я нашел то, что искал. Я аккуратно закатал до колен, чтоб не испачкать или не порвать об острые скалы, свои модные брюки. Груда собранных мною камней уже почти доходила верхушкой до ручки корзинки, но я не в силах был остановиться. Все мне казалось мало. Наконец, когда я собрался назад и потянул за ручку, ветхое дно плетеной корзинки не выдержало, и камни с грохотом вывалились на землю. Зарывав, со злостью зашвырнул я останки предательницы в море и натолкал камней по карманам, в ключья разодрал подклад дорогих брюк.

Я выследил его. Визг испуганного пса был еще невыносимей, чем его вой. И камни все летели и летели из моих рук в его маленькое черное тельце, чтобы заглушить любой звук его мерзкого нутра навсегда. Вскоре пес взвизгнул в последний раз и затих. Волоча задние лапки, он уполз на животе в колючие кусты малины. Кожа на его спине подергивалась от болезненных уколов шипов. Прежде чем окончательно скрыться в своем убежище, он оглянулся и, смело посмотрев мне прямо в глаза, совсем по-человечьи вздохнул, будто жалея меня.

Больше я не видел соседского пса, но его изнуряющий, протяжный вой каждую ночь преследовал меня в моих снах.

Каждую пятницу старик нанимал телегу с лошастью и, загрузив в нее сети, удочки, несколько холщовых мешков, два ярко-оранжевых жилета, спасательный круг и моток веревки, отправлялся на рыбалку. В этот день жене его приходилось особенно туго. В пятницу вечером она бегала быстрее обычного: суббота была баннным днем, и следовало, кроме остальных дел, наносить воды в огромную деревянную кадуюшку. Женщина-неваляшка с ведрами несметное количество раз проходила мимо наших окон. К ночи она уже тяжело дышала и ставила ноги осторожно, почти не сгибая их, словно боялась, что они треснут, как туго натянутая ткань.

— Тётка Наталья, — спрашивал я свою хозяй-

ку в непроглядной темноте южной ночи, — почему он не наносит ей воды заранее? Ну, перед тем как уехать?

Тётка Наталья, рьяно экономившая на электричестве, разжигала керосинку, вокруг которой тут же начинали кружиться белые мотыльки. Не жалела она света только для меня одного. Уважая тягу мою к чтению, хозяйка щелкала выключателем, только когда я закрывал книгу.

— Почему? Воспитывает, должно, — просто отвечала она.

— «Воспитывает» вы хотели сказать? — нарочно поправлял ее я. — Поздно вато что-то...

— Старик ведь. Помрёт. Как она тогда одна-то?

Я хмурил свои светлые, почти невидимые брови и, угрожающе смотря в потемневший от горячей керосинки провал окна, бросал туда со злостью:

— Гад!

— А ты не хмурься, — спокойно говорила тетка Наталья. — Все не такой он плохой, как ты думаешь.

Но каждый новый день, проведенный у окна, убеждал меня в обратном.

В субботний вечер, точно ко времени, когда баня была готова, старик появлялся на дороге. Телега была доверху завалена мешками со свежей рыбой. Запах ее я чувствовал еще издали и прикрывал окно. Но любопытство одерживало верх над обонянием, и я вновь распахивал окно, чтобы ни один миг соседской жизни не ускользнул от меня.

Старик парился до ночи. Когда же, наконец, окна в бане гасли, жена его все еще чистила во дворе привезенную им рыбу. И я засыпал, положив голову на подоконник, так и не дождавшись, когда же она закончит.

Утром соседка, улыбчивая и румяная, словно и не было у нее бессонной ночи, выходила из калитки и, быстро и легко перебирая ногами, бежала вверх по холму к старенькой деревянной церквушке. В такую рань каждый, даже самый ничтожный звук кажется нестерпимым грохотом. Я просыпался от оглушающего шороха грунтовой дороги под подошвами соседских башмаков и смотрел ей вслед. Длинное ее платье и платочек на голове празднично поблескивали в незрелом утреннем свете налипшими на ткани рыбьими чешуйками.

Возвращалась она к обеду и, будто набравшись откуда-то свежих сил, снова с жаром принималась за работу. Старик до вечера бегал за ней, ругаясь и потрясая кулаками:

— Опять ходила?! Опя-ать?! Опя-ать?!

Как-то раз в одно воскресное утро у окна ожидал я возвращения соседки из церкви. Старик вдруг подошел к калитке и, опершись на нее, окликнул меня по имени. Я остолбенел. Над верхней губой стало влажно, неприятно загудело в ушах. Но я, засунув руки в карманы брюк и приняв, как мне казалось, нахальный вид, вышел из дома.

— У меня на берегу лодка, — без лишних предисловий заговорил старик. — Якорная веревка оборвалась. Якорь... утоп. Недалеко от берега. Метра два. Достанешь?

Я кивнул, сглотнув.

— Хорошо. Тады иди! Увидишь, я тама мешок бросил на берегу для знамения.

Я спешно спустился к морю. Холщовый мешок, придавленный сверху камнем, я обнаружил сразу. Да и якорь, черневший на белом песке, сквозь прозрачную у самого берега воду я заприметил быстро. Я закатал штанины и, даже не намочив их, хоть и с большим трудом, но вытянул якорь. Впервые за все время я с радостью ощутил свое превосходство над стариком. Метра два? Да там и полуметра не было! А якорь? Вовсе не такой уж и тяжелый! Ха-ха! Я смелый! Я сильный! Я ого-го! И чего это я испугался, когда он позвал меня? Играя мышцами на руках и втянув живот, я всю обратную дорогу мысленно любовался собой.

Вернувшись назад, я махнул старику, привычно лежащему в гамаке, рукой, мол, все в порядке. Но он только нехотя покосился в мою сторону и, верно, снова задремал. Такая вопиющая неблагодарность старика зашипела во мне, словно брызги воды на раскаленной сковородке. И я поклялся себе больше никогда и ни в чем не помогать ему.

Когда я, возмущенно размахивая руками, рассказал обо всем тётке Наталье, она, как и прежде, спокойным, рассудительным тоном поведала мне:

— А ты не обижайся на него. Поди, стесняется он. Утопнуть боится, понимаешь? Его отец еще малого с лодки выбросил. Так в ту пору плавать учили. Испугался, видать, тогда си-

ильно он! Теперича даже веревкой себя к лодке привязывает, когда рыбачит.

— Он не умеет плавать? — победно улыбнулся я.

— Не-е-е, — протянула хозяйка, — умеет! Хорошо плавает!

— Так что же тогда? — не понимал я.

— Я ж говорю тебе: утопнуть боится! Каждая рыбалка-то, поди, подвиг для него! Слышала я, как говорил он, что лучше от страшной болезни какой помереть, в мучениях, параличе, чем ко дну пойти!

— Так как он утонет, если плавать умеет? — засмеялся я. — Да и страховка у него всегда с собой такая, словно он в кругосветное путешествие отправляется!

Я долго и заливисто хохотал, предвкушая свою, теперь уже неотвратимую, победу.

Я еле дождался пятницы. Рано утром я был уже на берегу моря. Соседская лодка, покачиваясь на привязи, доверчиво кивала носом в волны. Я подтянул веревку и запрыгнул внутрь. Да, спасательного инвентаря здесь хватало! Страховочный тросик, круг, жилеты, надувной матрац... Видать, старик опередил меня и уже погрузил свое барахло. Только где он сам? Я огляделся — никого. Достал из кармана нож, надрезал тросик, исполосовал матрац, круг и жилеты выбросил за борт. Прodelать дыру в днище лодки оказалось немного сложнее, но я справился и с этим. Вскоре довольный собой в предвкушении незабываемого зрелища я спрятался за ближайшей скалой.

Старик все не появлялся. Я нервничал, потому как планировал, что он все же отплывет хоть немного от берега, прежде чем течь даст о себе знать. Но развернувшаяся передо мной позже сцена ничуть не разочаровала меня. Я уже с трудом мог рассмотреть узкую полоску бортов скрывшейся под водой лодки, когда старик вдруг вырос на причале. Подтянув к себе полную воды лодку, он сгорбился и несколько минут простоял так, теребя привязь трясушимися желтоватыми от курева пальцами. Мне показалось, что прошло больше часа прежде. Его силуэт напомнил мне старый замшелый камень у нашего дома, в который ударила молния, разрубив его на две части. В конце концов колени его подогнулись, и он упал на них, точно в молитве, перед спокойной гладью воды, на которой уже не было лодки. Я боялся шелохнуться, чтоб не вспугнуть мо-

мент своего триумфа. Только чувствовал, как подрагивают от волнения и радости мои ноздри. Старик тяжело поднялся и поплелся по песку прямо к моей скале. Как только он поравнялся с моим убежищем, я заметил, как вдруг жалок и бледен стал этот сильный крепкий старик. Его белая майка будто внезапно стала велика ему, опустившись до колен. Ее полоскало на ветру, как платье. Я смело, с чувством небывалого превосходства встал ему навстречу. Но старик только пристально глянул на меня и, вздохнув, прошел мимо.

Вскоре заведенный уклад в соседском доме изменился. Старик перестал ездить на рыбалку, он ежедневно носил воду с колонки, кормил поросят и птиц, чистил хлев. Жена же его подолгу сидела на скамеечке рядом с крыльцом, свесив до земли натруженные руки, словно смертельно устала. Я ликовал! Перевоспитать старика оказалось проще, чем я думал. Я был чрезвычайно горд собой и с удовольствием лицезрел новые сцены.

Через две недели, почти перед самым моим отъездом, перед соседской калиткой вновь появилась запряженная телега. Старик привычно побросал в нее рыболовные снасти и, взяв лошадь под уздцы, скрылся из виду.

Наутро тетка Наталья разбудила меня ни свет ни заря и печально сообщила:

— Старик-то утоп...

Я моргал сонными глазами, не понимая, о ком она говорит. Наконец, придя в себя, я спросил ее:

— Как? Не может быть! Вы уверены?

— Да-а... Вот так... — вздохнула хозяйка, словно не слыша меня.

Я пристально смотрел на нее, не зная, что сказать. Тетка Наталья, думая, верно, что я своим взглядом стараюсь выпытать у нее какой-то секрет, наклонившись ко мне, зашептала, должно быть, первый раз в жизни зашептала:

— Утопился он! Точно знаю!

— Так как же он утопился? Что вы такое говорите? Зачем? Да еще сам! По своему собственному желанию! Он же боялся этого! — заорал я.

— Ш-ш-ш! — тетка Наталья поднесла палец к губам. — Вот то-то и оно! Рак у него нашли. Болезнь такая. Смертная. Не говорила я тебе... Почти делать-то уже не мог ничего, а нет-нет да за водой ходит... на рыбалку опять же. Ночью хуже всего ему было! Слышал, может, как выл? Да вы, молодые, крепко спите-то... Конечно! Вот думал он, наверное, станет ему совсем худо, ляжет, что тогда? Жене ухаживать. А и без того весь дом уж на ней одной. Не захотел он, видать, дожидаться-то этого. А жена-то у него верующая, вишь, какая! А самоубийство — грех... Ой, грех! Он выспрашивал у меня как-то про это. Вот он и подстроил все так... Только ни-ни! Никому! Понял?

Я до сих пор не знаю, были ли правдой те слова тетки Натальи, но, часто бывая потом в тех краях, объезжал я тот поселок у самого моря стороной.

□

Юлия Александровна ПОПОВА

родилась в 1980 году в Сегеже.

Окончила Карельский государственный

педагогический университет.

Пробует себя в поэзии и прозе.

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза».

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

